

алчность, роскошь, тщеславие, гордыню. "Каждое из этих качеств, — гремит словно с кафедры проповедника голос Разума, — по отдельности бушует в вас, а главную роль, как сказано, играет гордыня". Во второй книге гуманист посвятит семи смертным грехам семь же специальных диалогов, но по накалу они, пожалуй, уступают диалогам между Радостью и Разумом в рассматриваемых "эстетических" текстах. Правда, Петрарка при рассуждении на самую христианскую тему обходится без ссылок на богословов. Он "забывает" также о необходимости призвать к покаянию как средству одоления смертных грехов. Что есть покаяние, писали все средневековые авторы во времена Петрарки; флорентийский доминиканец Пассаванти посвятил этой теме специальный трактат — "Зерцало истинного покаяния".

И еще одно: сквозь строки проступает, что пришла иная жизнь, в которой возможно стать богатым, даже очень богатым. Богатство видится важной составной частью реальной жизни реальной семьи. Так не гордились с его новыми понятиями о богатстве, с его неистовой погоней за новыми и новыми доходами, прибылями и рынками заставляет Петрарку увидеть в алчности "мать всех пороков", которую можно утолить только золотом, а в гордыне — вовсе неумную и ничем не утешаемую жажду?

Петрарке-Разуму погоня за богатствами и предметами роскоши кажется свойством низкой души. В рассматриваемых диалогах он скуп на цитаты, но в других постоянно указывает на авторитетные мнения, осуждающие эту погоню, выстраивая в один ряд Аристотеля, Экклесиаста, Цицерона, Сенеку.

Пожалуй, противоречивей всего позиция Петрарки выглядит в диалоге "О картинах". Он забывает в нем о богатстве и деньгах, престиже и роскоши. Да и адресуется в основном к "образованным умам", к которым в восхищении картинами "присоединяется и толпа". Казалось бы, здесь можно только благожелательно присоединиться к эмоциональным репликам Радости, что он "восхищается картинами". Разум же окатывает его раз за разом холодным ушатом воды: "Пустое восхищение!". Главный аргумент — что за картинами забывают "Творца природы, солнца и луны", т.е. великую красоту природы, им сотворенную.

Но мы обязаны остановить свое внимание: люди эпохи Петрарки, судя по диалогу, открыли для себя светское искусство, красоту живописи, увлекаются и разбираются в ней. Прислушиваются к мнению искушенных лиц и учатся формулировать свое понимание и восхищение. Новые эстетические ориентиры именно через живопись и скульптуру, судя по всему, всего решительней утверждают свое право на жизнь. И крити-

ческие замечания Разума-Петрарки это лучше всего обнаруживают.

Если окинуть теперь диалоги единым взглядом, можно увидеть, что они выразительно констатируют формирование эстетической составляющей, тяготение к красоте как важную часть культурной жизни разных групп итальянского общества времени Петрарки — от самых знатных и богатых до просто образованных и даже "толпы". При этом Петрарка вплетает в ткань разговора социальные и повседневные мотивы, светские гуманистические суждения, что позволяет и данные диалоги рассматривать как свидетельства рождающихся новых представлений о человеке.

1. См.: Petrarch and the European Lyric Tradition. Annali d'Italianistica. / Ed. by D. Cervigni. Chapel Hill, 2004. Vol. 22. — 563 p.; Petrarca e il Padri della Chiesa. Petrarca e Arezzo. Firenze, 2004. — 382 p.; Petrarca politico: atti del Convegno: Roma-Arezzo, 19-20 marzo 2004. Roma, 2006. — 191 p. В России этому событию были посвящены два издания: Петрарка в русской литературе. Кн.1-2. М., 2006. — 244 с.; 446 с.; Франческо Петрарка и европейская культура / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2007. — 256 с. Последний сборник вообрал в себя материалы конференции, прошедшей в России в связи с юбилеем Петрарки. Среди его публикаций интерес для нашей темы представляют статьи В.М.Володарского, Дж. Криватин, Г.П. Мельникова. 2. Специально латинским трудам Петрарки был посвящен "юбилейный", 16-й по счету, конгресс (2004 г.) — См.: Francesco Petrarca: L'opera Latina: tradizione e fortuna. Atti del XVI Convegno internazionale (Chianciano-Pienza, 19-22 luglio 2004) / A cura di Luisa Secchi Tarugi. Firenze, 2006. — 772 p. Очень интересным для понимания культурных судеб наследия поэта и гуманиста является том "Петрарка и европейская культура". — См.: Petrarca e la cultura europea / A cura di Luisa Secchi Tarugi. Milano, 1997. — 374 p. Том открывается большой статьей П. Кристеллера (1983), посвященной анализу историографии Петрарки первой половины-середины XX в. 3. См. например: Pacca V. Sulla concezione petrarchesca della fortuna // Intersezione, XXIII, 1, 2003. P. 5-24; Anselmi G.M. Petrarca e l'etica laica della saggezza Rinascimentale // Italianistica, 33(2), 2004. P. 125-131; Laurdens, P. Un aspect de la fortune du De remediis de Petrarque en Europe du Nord: de l'illustration à la mise en emblems // Francesco Petrarca da Padova all'Europa. Roma-Padova, 2007. P.233-249. 4. См.: Petrarque F. Les remediis aux deux fortune / Texte et trad. par. Ch. Carraud. Paris, 2002. Voll.1-2: 1167 p.; 803 p. 5. Tognon G. Le bonheur à l'âge moderne: Pétrarque et la "lectio mundana" // Petrarque Fr. Les remediis aux deux.... Vol.2. P.7-18; Carraud Ch. Introduction // Ibid.P.19-94. 6. Carraud Ch. Notes du livre I // Ibid.P.143-157; Carraud Ch. Notes du livre II // Ibid.P.399-417. 7. Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae, I,34 "De magnificentia aedium" // Petrarque F. Les remediis aux deux fortune. Vol.1. P. 170-172. Римская цифра после названия трактата означает номер книги, арабская, идущая вслед, — диалога. 8. Ibid, I, 36 "De suppellectili preciose". P. 176-178. 9. Ibid, I, 42 "De vasis Corinthiis". P. 210-214. 10. Ibid, I, 37 "De gemmis"; I,38 "De gemmarum poculis"; I,39 "De gemmarum signis" P. 178-201. 11. Ibid, I,40 "De tabulis pictis"; I,41 "De statuis". P. 202-210. 12. Стоит напомнить об одном из знаменитых сундуков, расписанном, правда, в 15 в. (1450) братом знаменитого художника Мазаччо. Сундук принадлежал семейству Адимари. (Ныне-в Галерее Академии во Флоренции). Почти три метра длиной и более полуметра шириной, он украшен сценами из жизни флорентийской улицы, в том числе- картиной свадебного шествия. 13. Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae, I,38. P. 196.

Надійшла до редколегії 18.01.11

П. Донецкий, асп.

ЕПИСКОП ГОДРИ: ЭТАПЫ ЦЕРКОВНОЙ КАРЬЕРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ "АВТОБИОГРАФИИ" ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО)

В статье на конкретном материале исследуется один из ключевых вопросов в истории церкви XII века: обстоятельства избрания духовного лица по имени Годри на епископское место в городе Лане, в том числе- роль светской власти и степень соблюдения правил канонического избрания.

In the article one of the key issues in the history of the church of XII century is investigated on a particular material: the circumstances of the election of a spiritual person by name Gaudreau on the episcopal seat in the city of Laon, including, the role of secular authority and the degree of compliance with the rules of canon election.

Вопросы, связанные с внутренней жизнью церкви, в том числе и в эпоху реформ и переломов, падающую на рубеж 11-12 столетий, изучены далеко недостаточно [9-10]. На русском языке существует вообще лишь несколько работ [2-8]. И, наконец, историки почти не за-

нимались локальной историей официальной церкви, как истории людей, отдельных личностей. В любом случае, имя интересующего нас епископа Годри известно лишь в связи с коммунальными событиями во французском городе Лане.

© Донецкий П., 2011

Основным источником для статьи стало автобиографическое сочинение Гвиберта Ножанского, настоятеля монастыря и писателя (ок.1055-ок.1124). Его в двенадцать лет отдали в бенедиктинский монастырь Сен – Жермен – де – Флавины, где он провел около 37 лет (1067 – 1104 гг.). В 1104 году Гвиберт становится аббатом небольшого монастыря Нотр – Дам в Ножане, близ города Лана. Он получает возможность для более серьезных занятий историей и литературой, поездок и встреч с влиятельными духовными и светскими деятелями, участия в жизни церковного сообщества. В этом монастыре он остается аббатом более 20 лет. Гвиберт оставил после себя более десятка сочинений. Его перу принадлежат толкования к Книге Бытия (*Moralia Geneseos*), малым пророкам и Плачу Иеремии, трактаты "О девстве" и "О похвале Пресвятой Девы Марии", богословско-дидактическое сочинение "О мощах святых", исторический труд "Деяния Бога через франков" и автобиографическое сочинение "*De vita sua sive monodiarum libri tres*" [1] (Три книги о своей жизни, или Монодии), которое было написано в 1114-1115 гг. Непосредственно рассказ о себе и соевей жизни занимает первую часть этого труда (26 глав), вторая посвящена Ножанскому монастырю (6 глав), а в третьей он описывает современные ему события, и, в частности, дает красочное изложение истории борьбы Ланской коммуны с епископом города (20 глав). В этой части целых 7 глав хронист посвящает епископу Годри, что и дает возможность изучить этапы его карьеры, нравы в среде высшего духовенства, оценить глубину проникновения в церковную и светскую среду идей клунийских реформ и степень их осуществления на практике.

Случаен ли интерес Гвиберта к Годри? Дадим несколько пояснений. Ножанский монастырь находился в Ланской епархии, и, соответственно, Гвиберт Ножанский напрямую подчинялся епископу Лана. В эти годы епископом был как раз Годри, нормандец по происхождению. На страницах автобиографии Гвиберт дает понять, что он часто бывал в Лане, хорошо знал о событиях, там происходивших, и был уважаем [1, col.931]. Кроме того, он лично был знаком с духовенством города, не раз встречался с епископом Годри, более того, участвовал в его выборах и хорошо знал все перипетии этого дела [1, col.913].

Итак, обратимся к выборам епископа в Лане. Надо заметить, что в начале XII век Лан был одним из важнейших городов французского королевства, а епископская кафедра – одной из самых престижных. Гвиберт повторяет слова одного из современников, что "Лан – главный город королевства..." [1, col.932]. Два года место епископа оставалось там вакантным, пока в 1106 г. не было замещено. Гвиберт весьма подробно рисует обстоятельства, связанные с выборами на епископскую должность. Первоначально было три претендента. Двое из них – архидьяконы – сразу оказались отсеяны Св. Престолом, т.к. "один был более солдатом, чем клириком, а другой несдержан в общении с женщинами" [1, col.912]. Мы видим, папа строго подошел к выбору кандидатов. Первый, как солдат, не мог не проливать кровь, второй мало отвечал требованиям целибата (обета воздержания и безбрачия). Получается, что папа на деле продолжал линию клунийских реформ.

Одновременно становится ясно, насколько слабо и не повсеместно на ту пору укоренились реформаторские идеи, если кандидаты с таким образом жизни и привычками могли быть архидьяконами и претендовать на епископское место. В северо-восточной Франции реформаторские идеи не воплощались на практике. Гвиберт упоминает еще и третьего кандидата, называя

его "ярким светом церкви" [1, col.912]. Вначале не совсем ясно, что стоит за этой фразой – ирония или уважение. "Третий" решил добиться избрания привычным путем подкупа короля богатыми подарками. Дальше ситуация принимает драматический оттенок: человек считал себя уже в епископском кресле, но в день, когда он должен был занять должность, вдруг умер. Гвиберт Ножанский словно бы выстраивает сюжет намеренно, дабы обозначить мораль. "Бог ставит ловушки перед такими людьми и свергает их, когда они поднимаются, нанося удары по гордыне человека, смертельной болезнью". Отсюда становится понятно, что о "ярком свете церкви" было написано с иронией. А сам Гвиберт, если судить "от противного" видит в роли епископа человека строгих моральных принципов, не бросающего своим поведением тень на авторитет церкви и избранного без симонии и вмешательства светской власти. Забегая вперед, скажем, что его ожидания опять не сбываются.

После ухода из жизни третьего претендента епископом был избран интересующий нас Годри, уже четвертый кандидат. Выясним, каким, было, начало его карьеры и что его привело на высокий пост. Гвиберт имеет об этом довольно много сведений. Так, он пишет, что у Годри "не было звания в какой либо церкви, и он не был введен в духовный сан. Король Англии, используя влияние, сделал его субдиаконом (*subdiaconus*) и каноником (*canonicus*) в церкви в Руане, хотя до этого он вел жизнь военного человека" [1, col.912].

Из сочинения нашего автора выясняется также, что Годри был капелланом короля Генриха I Боклерка (2 августа 1100 – 1 декабря 1135) и отличился в 1106 г. в сражении при Теншэбре, взяв в плен его брата Роберта Короткий сапог, герцога Нормандии. Напомним, что благодаря этой победе Генрих смог восстановить англо-норманнскую державу. Так что у английского короля были причины добиваться для Годри должностей. Карьера Годри оказалась стремительной: воин, капеллан, субдьякон, епископ.

Он был избран на высокую должность опять же при поддержке английского короля и крупного местного феодала Энгерана, "в противоречии с нормами канонического права", как утверждает Гвиберт. Будучи противником симонии, он не скрывает, к чему это вскоре привело: разорению города и всей провинции [1, col.912]. Гвиберт сообщает, что на выборы собрались аббаты и другие духовные лица, был приглашен и он. Выбор Годри поддержали все, кроме известного ученого и монаха Ансельма Ланского, которого Гвиберт называет "светочем всей Франции, да и всего Латинского мира" [1, col. 912]. О проголосовавших за избрание Годри говорит как о "трусах, которые последовали примеру своих могущественных правителей" [1, col.912]. Голосовал ли сам Гвиберт, высказывал ли открыто свое мнение, остается неясным, но в автобиографии он рисует себя убежденным противником Годри.

Тому оставалось получить одобрение папы. Для этого или с какими-то еще целями Пасхалий II прибыл в Дижон. Гвиберт рассказывает, что духовенство Лана, как и подобало, в большом количестве вышло навстречу папе и просило утвердить свой выбор. Напомним, что недавние реформы папы Григория VII затронули и избрание епископов. Как и прежде, существовало избрание епископов "духовенством и народом"; но папа следил за правильностью выборов и утверждал их; иногда он даже называл кандидатов или кассировал выборы. Папа, познакомившись с фактами, решил узнать об обвинениях, которые прозвучали из уст Ансельма. Папа собрал аббатов и священников и рас-

спросил о том, как проходили выборы. Это оказалось достаточно представительное собрание. Гвиберт свидетельствует: "На этом собрании было много высокопоставленных людей, наших и итальянских епископов, кардиналы и другие ученые люди" [1, col.913]. Ясно, что там был и Гвиберт. "Папа сразу спросил, – продолжает свои воспоминания Гвиберт, – почему мы выбрали чужеземца. Поскольку никто из священников не отвечал (почти никто из них не имел элементарных знаний латыни), он обратился к аббатам" [1, col.913]. Отвлечемся от выборов: любопытный факт – ступор священников-выборщиков Лана из-за незнания латыни. Парадоксальность ситуации в том, что, как известно, город был к этому времени одним из мощных интеллектуальных центров Европы с сильнейшей богословской школой, город, куда к названному выше Ансельму Ланскому стекались со всей Европы. Выучиться было у кого, если бы занятие должности без серьезного образования было невозможно. Очевидно, на деле все обстояло значительно проще.

Папу удивило, почему избран не кто-то из местных духовных лиц, а малоизвестный чужеземец. "Со сдержанным чувством и не отклоняясь от истины, я в осторожных фразах высказал, что мы не знаем его близко, но приняли как истину свидетельства других людей, которые отзывались о нем доброжелательно..... Папа возразил в очень откровенных выражениях, что Годри был избран под давлением королевского двора; я, оставив все утертки, признался, что не могу опровергнуть его слова. Этим он был очень доволен" [1, col.913].

Папа остался доволен тем, что нашел в среде выборщиков честного свидетеля. Казалось бы, папа взялся проводить в жизнь клюнийские правила. Но это оказалось не совсем так. Он задал несколько вопросов о прошлом Годри, в том числе – законнорожденный ли тот, но сделал это, по мнению Гвиберта, не для того, что бы иметь еще один аргумент для отклонения кандидатуры, а лишь в силу того, что присутствовал авторитетный Ансельм, в глазах которого папе не хотелось выглядеть совсем уж циничным политическим игроком. Да и тот, "увидев глубокую коррумпированность (ambitus), подумал, что трудное дело выхватить дубину из рук Геракла" [1, col.914]. Вот каким могущественным в глазах даже Ансельма выглядит Годри: словно могучий греческий богатырь Геракл. Хотя трудно представить, чтобы Ансельм заблуждался относительно того, над кем эту дубину тут же занесет новоизбранный епископ. Он просто понял, что папа, расспрашивая о Годри, обозначает свою роль официального лица, от которого висит выбор, при этом на самом деле не собиравшись выступать против кандидата. Духовенство нахваливало ораторские способности Гвиберта, но хронист отмечает, что не его речи, а его богатства, на которые соблазнились папские люди, сыграли главную роль в подтверждении избрания.

Пасхалий, вроде бы серьезно обозначив задачу нравственного обновления церкви, на самом деле, как видим, был непоследователен, как и клюнийцы, которыми он себя окружил. Одним из таковых был камерарий (cubicularius) папы. Его звали Петр. Гвиберт пишет: "Петр познакомился с Годри в Руане, когда английский король просил за его избрание" [1, col.914]. Возможно, именно он способствовал положительному решению вопроса. После утверждения Годри, Петр подошел к Гвиберту и сказал: "Так как Господин папа принял вами рекомендованную и желательную персону и любезно выслушал вас, вы должны обозначить вашему епископу, что бы он во всем подчинялся господину Папе. Во всех делах епархии, если возникнет необходимость,

папа с готовностью выслушает ваши просьбы, будь то для него или других" [1, col.914]. Мы видим, что, несмотря на весьма длительные попытки очистить церковь, церковная верхушка не отказывалась от методов, благодаря которым открывались высокие должности.

Пожелание папы, переданное через Петра, проливает свет на невысокую степень его власти в таких областях, как Северная Франция. Папа, очевидно, хотел видеть в новом епископе своего человека, использовать его как рычаг давления на местное общество, да и на власть. В этом случае, для него на первом плане стоял не моральный облик, авторитет или безукоризненный послужной список: ему важнее было иметь поддержку "на местах", чего он и ждет от нового епископа, хотя позиционирует себя как клониец. Выбор Годри раскрывает, сколь сильно были сплетены в клубок интересы папы, королей, сеньоров: на деле кандидата продвигали светские покровители, а папы утверждали, исходя из своих политических амбиций и задач.

Для Годри его высокая карьера началось более, чем удачно. Отметим любопытную ментальную деталь: кандидата воодушевило гадание на Евангелии. Очевидно, по традиции, священник, получивший сан, открывал любое место и читал фразу, которая возвещала о его судьбе. Годри прочел фразу из текста евангелиста Иоанна: "Жено! Се, сын Твой" [Ин, 19:26]. Гвиберт отмечает, что "он извлек из этого большую пользу, везде рассказывая о гадании" [1, col.915].

Изменился ли Годри, став епископом? Если верить Гвиберту, нисколько. Обработанный успехами, он не стал скрывать своих истинных увлечений, "с восторгом говорил о войне, собаках и ястребах, о своем пребывании среди англичан" [1, col.915] И продолжал вести жизнь, совсем не подобающую сану.

Вскоре все его деньги и драгоценности были растраты. Он отправился в Англию для пополнения карманов. Гвиберт нам не сообщает, откуда были добыты богатства, лишь заключает: "ясно, что богатства были украдены или приобретены нечестным путем" [1, col.915].

Годри быстро нажил себе врагов. Через три года после своего избрания, он решился пролить кровь, убить чужими руками воинственного дворянина по имени Жерар де Кьерси, который как-то открыто сказал о новом епископе и его родственниках все, что думал. Убийство произошло в церкви, а заговорщиками командовал брат Годри. Заговорщики явно не боясь наказания, совершили убийство в священном месте, прилюдно [11].

"Вечный оппонент" Годри Ансельм Ланский приглашает Гвиберта Ножанского, чтобы тот выступил по поводу этого преступления перед народом. Тот призвал просить отлучения убийц и их сторонников от церкви. Это решение было поддержано, на собрании присутствовал епископ Куберт из Санлиса, который объявил анафему [1, col.915]. Но архидьяконы и дворяне, участвовавшие в заговоре, не поддержали это решение.

Вина Годри была очевидна всем, но папа спустил ему преступление, видимо, продолжая нуждаться в нем как проводнике своего влияния в регионе. Иначе себя теперь уже французский король Людовик VI. Вернувшись, епископ узнал, что король лишил его имущества и запретил въезжать в город. Но король был не указ ни Годри, ни его местным сторонникам. Когда Годри приблизился к границе Лана, ему навстречу пришли все архидьяконы и дворяне, отлученные от церкви, он их "с любовью обнял и расцеловал". Епископ вскоре добился прощения короля при помощи взятки. И, со своей стороны, отлучил от церкви тех, кто участвовал в разграблении домов участников заговора. Гвиберт откровенно пишет, что отлучить его помешала

підтримка папи, за більшість грошей було снято отлучення з архидьяконов.

Несколько лет дальнейшего пребывания Годри на должности епископа предстает перед нами временем жестоких поборов, взяток, светских развлечений, стремления к богатствам, что в итоге привело к хорошо известным событиям ланского восстания 1112 года.

Чем все закончилось, тоже хорошо известно. Горожане ворвались во дворец епископа, стали искать его и нашли в подвале, где он спрятался в пустой бочке. "Бернар де Брюер, подняв свою обоюдоострую секиру (birèpni), свирепо раскроил череп этому, хотя и грешному, но священному человеку... А Тайдего, увидев пасторское кольцо на пальце того, кто прежде был его епископом, не будучи в состоянии легко его сорвать, отрубил мечом палец умершего и завладел кольцом" [1, col.928]. Так закончился шестилетний епископат Годри.

Через характеристики Годри и оценки его поступков нам становятся ясны взгляды Гвиберта Ножанского на животрепещущие церковные проблемы, его собственная позиция. Хронист показывает, что сан, доставшийся через симонию, не принес ожидаемого ни Годри, ни горожанам. Гвиберт проясняет нам, какие силы могли способствовать церковной карьере, почему для своего избрания кандидат заручился поддержкой английского короля, папы, горожан и дворянства,

для чего сделал свой опорой внутри города этих же дворян и верхушку духовенства.

Гвиберт Ножанский создал живой образ епископа. Он на протяжении всего рассказа осуждает греховность Годри, упрекая его в гневливости и гордыне, двух тяжелейших христианских грехах. При этом каждое из его достоинств (воинские заслуги, отвага, дар красноречия) в глазах аббата Ножана есть пороки, грех, путь к греху.

Годри, может, и стал сторонником папы, но на месте вел дела не как сторонник клонийских идей и сам не превратился в истинного клонийца.

1. Guibertus abbas de Novigento. De vita sua sive Monodiarum, libri III // Patrologia Latina. Т. 156. 2. Бузескул В. П. К истории папства в XI столетии. – СПб., 1911. 3. Вязигин А. С. Очерки из истории папства в XI столетии. – СПб., 1911. 4. Вязигин А. С. Григорий VII. Его жизнь и общественная деятельность. – СПб., 1891. 5. Гергей Е. История папства (XII–XX вв.). – М., 1996. 6. Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. – М., 1992. 7. Мулен Лео. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы // www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Mulen_lifeMonah_index.php 8. Скальфи Романо. Краткая история Католической Церкви // www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Skalf_hist_kathol/skalf_index.php 9. Усков Н. Ф. Монашество // Словарь средневековой культуры. – М., 2003. С. 320–331. 10. Усков Н. Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья. – СПб., 2001. 11. COMITÉ ARCHEOLOGIQUE ET HISTORIQUE DE NOYON COMPTES RENDUS ET MÉMOIRES LUS AUX SÉANCES // <http://pagesperso-orange.fr/memoires-du-chaunois/annalesquierzy/annalesquierzy.htm>

Надійшла до редколегії 18.01.11

В. Дятлов, д-р. іст. наук, проф.

ТРАДИЦІОНАЛІЗМ І РАДИКАЛІЗМ У РЕФОРМАЦІЙНОМУ ВЧЕННІ І ДІЯЛЬНОСТІ АНДРЕАСА БОДЕНШТАЙНА КАРЛШТАДТА (1486 – 1541)

У статті аналізується ставлення відомого німецького реформатора Андреаса Карлштадта до середньовічних традицій релігійного, сімейного і соціального життя. Головна увага приділена проблемі поєднання у його програмі радикального протесту проти папської церкви з утвердженням патріархальних устоїв у суспільстві.

In the article the problem of medieval traditions in the famous German reformer Andreas Karlstadt (1486 -1541) study is investigated. On the basis of documentary evidences, his views on the religious and socio-political order are analyzed.

Проблема розриву і континуїтету середньовічної традиції в реформаційному русі викликає постійний інтерес дослідників різних поколінь. Вона присутня в тій або іншій постановці практично у всіх фундаментальних працях з історії Реформації, неодноразово ставилася у спеціальних роботах, переважно теоретичного характеру. При цьому помітно простежуються два протилежні підходи до її вирішення: прихильники першого вбачають у Реформації рішучий розрив із Середньовіччям, а їх опоненти підкреслюють її консерватизм, схильність до захисту старих цінностей на противагу гуманістичному руху.

Такі підходи домінують у дискусії з даної проблематики [1]. Післядовним захисником тези про внутрішню спадкоємність середньовічної релігійної традиції і реформаційних новацій виступив відомий історик Б. Меллер. По суті він продовжував обстоювати свою давню тезу про те, що Реформацію значною мірою підготував рух за зміцнення благочестя і набожності, який охопив німецьке суспільство в епоху пізнього Середньовіччя [2, С. 6, 30]. За його словами, рішуча відмова реформаторів від чернецтва означала не що інше, як перенесення принципів і етики чернечого життя на світські відносини. До того ж у більшості своїй реформатори вийшли з чернечого середовища і рання Реформація була свого роду "новим чернецтвом" [2, С. 6, 30]. Чимало дослідників, навіть ті, які схильні підкреслювати новаторський, прогресивний характер Реформації, сходяться на думці про те, що ранній протестантизм у своїй соціальній і моральній доктрині був "новою патріархальністю". Напроти, в концепції Г. Шіллінга Реформація посідає перехідне місце між "згустком пізнього Середньовіччя" і

формуванням суспільства на модерних засадах, яке відбувалося під знаком конфесіоналізації [3, С. 89–90]. Історик, не заперечуючи консервативних моментів в програмах реформаторів, схильний підкреслювати новаторський вектор Реформації [3, С. 24].

Крайність подібних думок вимагає відмови від простих і однозначних відповідей, пошуку складних взаємозв'язків середньовічного традиціоналізму і нововведень. Для її вирішення особливе значення має вивчення ставлення до "старого" середньовічного суспільства та його цінностей тих реформаторів, які дотримувалися радикальних позицій, добивалися рішучої і безкомпромісної ліквідації папської церкви та перетворення соціальних відносин на нових засадах. Одна із найбільш помітних постатей в цій когорті – Андреас Боденштайн Карлштадт.

Питання про середньовічну традицію і новачі в ученні і діяльності цього неординарного реформатора давно привертає увагу істориків і викликає суперечливі оцінки і думки. Г. Барге – перший серйозний біограф Карлштадта – спробував показати прогресивність його ідей, новаторський, демократичний характер його програми "мирського християнського пуританізму" і громадського устрою нової релігійної організації. Євангельські нововведення, що проводилися під керівництвом Карлштадта, він назвав прообразом тих реформ, які пізніше будуть здійснені Кальвіном у Женеві, і, які не мали нічого спільного з патріархальністю та консерватизмом [4, С. 28]. Така точка зору зустріла гостру критику ліберальних і консервативних лютеранських істориків, які звинувачували Карлштадта в реанімації середньовічної "тоталітарної" місти-